

В ОРГКОМИТЕТЕ

В одном из последних номеров «Тарского приртышья» мы уже сообщали читателям о том, что празднование 400-летнего юбилея города будет проходить в течение двух дней. Само собой разумеется, праздничная программа такого торжества должна быть необычной, яркой и запоминающейся. В связи с этим режиссерская группа оргкомитета праздника взялась за разработку нескольких перспективных сценариев. Наиболее удачные сцены каждого из них войдут впоследствии в генеральный сценарий праздника.

Теперь о творческих конкурсах художников, поэтов, фотографов, мастеров декоративно-прикладного искусства. Пока забота о них проявляется, в основном, со стороны организаторов — работников культуры и школы искусств. А надо быть поактивнее не только организаторам конкурсов, но и самим участникам, ведь впереди у них фестиваль талантов «Радуга над Иртышом» и поэтический турнир, где компетентное жюри даст оценку литературным способностям каждого автора.

ТАРСКИЕ РЕЙТАРЫ

«Рейтары? В Таре? Это что-то новое», — скажет неискушенный читатель. Но это факт, в Таре действительно были рейтары.

Напомню, что рейтарами называли людей, служивших в тяжелой кавалерии, преимущественно из иностранных наемников, и, частично, из русских служилых людей, в основном, из конных казаков. В середине XVII века по указу русского царя Михаила Федоровича для организации в Сибири рейтарского войска в городах Тобольске, Тюмени и Таре началась вербовка людей на эту службу. Всего было призвано около полутора тысяч человек, из них тысяча человек из числа сибирских конных казаков и около 500 человек из числа стрельцов. Надо

здесь же заметить, что в Таре зачисляли в рейтары не только конных казаков, но и их взрослых детей, братьев и даже племянников. Не было отказа и желающим поступить в рейтары из числа «гулящих людей» (общее название вольноотпущенных холопов беглых крестьян и посаженных людей без определенных занятий и местожительства), коих в Таре той поры было немало.

В течение ряда лет эти рейтарские формирования использовались для защиты городов Сибири от разбойных набегов вооруженных кочевых племен из Средней Азии и воинствующих последователей свергнутого хана Кучума.

В. СУКАЧ,

НА КОНКУРС

„Что сердцу дорого“

Многим давним читателям нашей газеты хорошо знакомо творчество поэта Александра Дерюшева. Первые свои стихи он принес к нам в «районку» еще будучи студентом Омского медицинского института. Затем была защита диплома и возвращение в Тару—город, где родился и вырос.

Сейчас Александр Николаевич Дерюшев заведует отделением «скорой помощи» Тарской ЦРБ. Трудна и ответственна его работа — тревожные звонки, ночные дежурства... Но не пасует перед трудностями молодой доктор. И продолжает в короткие минуты отдыха писать стихи. Задержите свой взгляд на сих откровенных строчках, прочтите их. И пожелайте врачу и поэту успехов в нелегкой работе и творческого роста.

Александр Дерюшев

В понедельник
наступила осень,
Подытожив летний
выходной
Было грустно до,
И будет грустно после,
Но я верю осени одной...
Уж она-то точно
не обманет
И как друг в обиде—
не продаст.
Погулять под дождь
С собой поманит,
Что сама имеет—
мне отдаст...
Впрочем, мне совсем
немного нало
Осень, осень, душу
не триви
Был бы листопад,
Он как награда,
И асфальт в рябиновой
крови...

Жаль, нету ответа
У этой задачи
А дождь хулиганит—
Все планы намокли,
Вот пусть за «спасибо»
Помоет нам окна!
В такую погоду
Куда нам податься?
— Послушай, Наташка,
Давай целоваться!

ЗИМА № 30

Вздохну чуть-чуть устало,
Душа поймет сама
Тропинку протоптала
Тридцатая зима
Хоть больше было весен
И очень много лет—
Из молодости куплен
Плацкартный мой билет,
В душе стучат колеса
Еще один урок —
Не все из этих весен
Я, видно, уберег,
Но все ж легло немало
В страницы дневников
И я вздохну устало
От тяжести снегов.

ПЛОХАЯ ПОГОДА

В душе и снаружи
И дождик и слякоть,
Только анекдоты
А хочется плакать,
А хочется, чтобы
Все было иначе,

Сергей Мальгавко

ТАРСКИЕ КОЛОКОЛА

За Иртыш колокольный плывет перезвон
В синеву притаенной стихии...
Ни о чем не жалею, если жить обречен
В центре провинциальной России.
Совсем мал городок, но бескрайнюю ширь
Не измерят столбы верстовые...
Окрестили в ледовой купели Сибирь —
Ветер дул колокольно впервые
Вновь сияет венчально над церковью крест,
А у прадеда он на могиле...
И моилы, и храм — достояние мест,
Где метели кресты серебрили.
Вот и мне крест нести, по-земному,
как встарь.

Только с неба приходят месии...
Но взлететь в синеву зазывает звонарь
В центре провинциальной России

х х х
Серебрится храм трижды крестами
И летит снег, отрочески свят.
Натянув нити между веками,
Снег идет, как и сто лет назад.
Слава Богу что нет зданий выше,
Чем единственный храм вдалеке.
И так праведно светятся крыши
В просветленном насквозь городке.
Перед городом этим я грешен,
Мне ответить еще предстоит:
О чем стая бескрылых скворешен
В холода терпеливо грустит?
Не молюсь я у иконостаса
Но в гостиницах, в дальней тоске
Снится снег мне над куполом Спаса
И мой дом со скворешней в руке.

х х х
За спиной мой след заметая,
Облетает пух с тополей.
Впереди метельная стая
Снежно выюжит зелень полей.
Может быть я отцвел до срока,
Наугад пойдя за тобой, —
Ты влюбила меня жестоко
Оставаясь чужой женой.
Впрочем, вряд ли ты виновата,
Сам я белым пухом летел
Вдоль по улице, где когда-то
Не любить тебя не посмел
Я любил и избегая встречи
И робели руки мои...
Только пух в июньский тот вечер
Никно кутал плечи твои.

РЯБИНОВОЕ ВИНО

Крышами снежно белеет
Деревня, где помнят меня,
Рябины вино алеет
На скатерти зимнего дня.
Чем крепче мороз, тем

слаще
У ягод рябиновых вкус,—
Изжив городские страсти,
Обратно проселком

вернусь.
И вспомню сказ
бабки Насти,
Ее заговорную речь,
И прочь изгонит напасти
Рябина да жаркая печь,
Жаль, бабки той—
неотпечетой—

Влову схоронил сельсовет.
Святой ее жизни метой
Стал гроба рябиновый
цвет.

Я сам себе был изгоем,
Менял адреса, но давно
Горько и сладко, заоем
Люблю из рябины вино.
Пью снегирины дали
И словно блаженный

дивлюсь:
Гроздьями алкой печали
Восходит рассветная

Русь.
Как снежно кругом

и тихо.
Но память рябины хранит
Мое и ледово лихо,
Что русские судьбы

роднит
Выпью до дна свою

участь
И сладость надежд

пригублю
Рябины терпкую

жгучесть
Я страстно и грустно

люблю,